

УДК 347.63

**ПРОБЛЕМА ОСПАРИВАНИЯ МАТЕРИНСТВА И ОТЦОВСТВА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ
МЕТОДОВ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ****С. О. РУБЦОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Н. А. БЕСЕЦКАЯ)*

Рассматривается опыт законодательного закрепления института оспаривания материнства и отцовства при применении методов ВРТ в зарубежных странах. На основе сравнительно-правового анализа выявляются круг лиц, которым предоставлено данное право, и основания оспаривания материнства и отцовства при применении данных методов, а также возникающие при этом проблемные вопросы. Акцентируется внимание на отсутствии в национальном и зарубежном законодательстве детального правового регулирования данного института.

Расширение случаев применения методов вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) при зачатии и рождении детей порождает ряд связанных с этим правовых вопросов. В зарубежных странах законодатель по-разному отреагировал на произошедшие изменения в институте семьи. В связи с этим, были внесены изменения в соответствующие кодексы либо приняты отдельные нормативные акты, регулирующие вопросы, связанные с применением методов ВРТ. Необходимость определения круга лиц, которым предоставлено право на оспаривание отцовства при применении подобных методов, является прямым следствием таких процессов.

Целью настоящей статьи является сравнительно-правовой анализ положений семейного законодательства Республики Беларусь и зарубежных стран (на примере стран постсоветского пространства) в области оспаривания отцовства при применении методов ВРТ.

Общепринятой практикой признается разрешение споров, связанных с оспариванием отцовства, в судебном порядке. При этом семейным законодательством каждой страны ограничивается круг лиц, которым предоставлено такое право, и соответствующих оснований. Однако правовая регламентация данных вопросов при применении методов ВРТ обладает определенной спецификой. Представляется, что различия в правовом регулировании данного вопроса напрямую зависят от того, какую сторону в репродуктивных правоотношениях законодатель считает менее защищенной. В ч. 1 ст. 52 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь (далее – КоБС Республики Беларусь) закрепляется, что супруг, давший письменное согласие на применение его супруге методов ВРТ, не вправе при оспаривании отцовства ссылаться на эти обстоятельства [1]. Аналогичное положение содержится и в семейных кодексах Азербайджана [2], Молдовы [3] и Казахстана [4]. Заслуживает внимания суждение Ю. Н. Корбуа о том, что «запрет на оспаривание отцовства при применении методов ВРТ не следует толковать ограничительно, поскольку данное использование должно быть произведено на оговоренных условиях, нарушение которых влечет сложные моральные и этнические вопросы» [5]. Из этого следует, что лицо не лишается возможности обратиться в суд, но при условии, что оспариванием его иска выступает не отсутствие генетической связи, а иной юридический факт.

В семейном законодательстве Узбекистана отсутствует специальная норма, которая бы регулировала оспаривание отцовства при применении ВРТ. Следовательно, оспаривание отцовства должно происходить по общим правилам, предусмотренным ст. 63 Семейного кодекса Республики Узбекистан, в соответствии с которыми лицо, записанное в качестве отца или матери ребенка, вправе в судебном порядке оспорить произведенную запись [6]. Иными словами, законодатель предоставляет право не только оспорить запись о родителях в отношении ребенка, рожденного с применением методов ВРТ, но и ссылаться на отсутствие генетической связи в качестве основания своего иска.

Вместе с тем не во всех странах постсоветского пространства демонстрируется такой подход в данном вопросе. Интересным является опыт Украины, семейное законодательство которой также содержит нормы, касающиеся оспаривания отцовства при применении методов ВРТ. Однако в п. 5 ст. 136 Семейного кодекса Украины установлено, что лицо, давшее согласие на применение методов ВРТ, не имеет права оспорить своё отцовство, а как следствие, лишается судебного механизма защиты своих репродуктивных прав [7]. Сходная норма закрепляется и в п. 5 ст. 74 Семейного кодекса Туркменистана: «Муж, давший согласие на искусственное оплодотворение своей жены с помощью донора, записывается отцом рождённого ею ребёнка и не вправе оспаривать произведённую запись в судебном порядке» [8]. Запрет на оспаривание отцовства также предусмотрен законодательством Латвии. При этом репродуктивные правоотношения в этой стране регулируются Гражданским кодексом Латвийской Республики. Так, отец не может оспорить отцовство в случае, если он дал согласие на искусственное зачатие ребенка [9]. Тем не менее фактически остается неурегулированной ситуация, когда супруга лица, давшего согласие на применение

методов ВРТ, забеременела не в результате применения таких методов. На наш взгляд, наличие такой императивной нормы не отвечает интересам лица, давшего согласие на применение ВРТ, и, по сути, *de jure* и *de facto* лишает его права на судебную защиту.

Что касается правового положения доноров при применении методов ВРТ, то в законодательстве большинства стран постсоветского пространства предусматривается запрет донора оспорить своё отцовство в отношении ребенка, рожденного с применением его половых клеток. В частности, семейное законодательство Эстонии, защищая права ребенка, рожденного с применением методов ВРТ, и лиц, давших согласие на их применение, закрепляет, что суд не устанавливает в качестве отца ребенка донора, сперматозоиды которого использованы для искусственного оплодотворения, а как следствие, лишает его возможности оспорить свое отцовство [10]. Аналогичная норма установлена и в ч. 2 ст. 52 КоБС.

Подобный подход существенно отличается от подхода, закрепленного в семейном законодательстве Российской Федерации [11], Украины [7], Туркменистана [8], Армении [14], Узбекистана [6]. В частности, п. 1 ст. 52 Семейного кодекса Российской Федерации указывает на возможность оспорить запись о родителях в книге записей рождений по требованию лица, фактически являющегося отцом ребенка [11]. Из буквального толкования данной нормы вытекает, что в качестве такого лица может выступить *de facto* и донор половых клеток, чей материал использовался при осуществлении искусственного оплодотворения. Аналогичное положение содержится в ч. 2 п. 3 ст. 128 Семейного кодекса Украины [7]. При применении упомянутого метода ВРТ необходимо различать ситуации, когда участвует неанонимный и анонимный донор половых клеток. В первой ситуации, как правило, в качестве донора выступает родственник либо знакомый лиц, участвующих в программах лечения бесплодия, во второй – им является постороннее и неизвестное для них лицо. Как отмечает Л. А. Евсеева в своей работе, мотивом для установления отцовства со стороны донора может явиться отсутствие или гибель собственных детей, чувство привязанности, любви к ребенку [12].

Вместе с тем неопределенность рассмотренных выше норм в части формулировки круга лиц, имеющих право оспаривать запись о родителях, полагаем, негативным образом отражается на правовом положении родителей, применивших для зачатия ребенка метод искусственного оплодотворения с использованием донорских половых клеток. Это создает прямую возможность для злоупотребления своим правовым положением лиц, выступивших донорами половых клеток. Подход, закрепляющий запрет донора половых клеток на оспаривание отцовства, на наш взгляд, является более прогрессивным, поскольку исходит из приоритета прав ребенка и создает правовые гарантии интересов лиц, давших согласие на применение методов ВРТ.

Отдельно следует остановиться на рассмотрении вопроса об оспаривании отцовства в отношении ребенка, рожденного суррогатной матерью. Условно в зависимости от подхода, предусмотренного в законодательстве к установлению происхождения детей, рожденных суррогатной матерью, страны постсоветского пространства можно разделить на две группы:

– в которых матерью ребенка считается суррогатная мать (в частности, Азербайджан [3], Россия [11], Узбекистан [6]);

– в которых действует презумпция материнства женщины, изъявившей желание и намерение воспитывать ребенка, рожденного суррогатной матерью (например, в Беларуси [1], Кыргызстане [13], Казахстане [4], Украине [7]).

Данное различие в подходе к законодательному закреплению правил установления происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, в указанных странах обуславливается положенными в их основу теориями родства. Неопределенную позицию по данному вопросу демонстрирует семейное законодательство Армении, так как в Законе «О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека» фактически присутствует коллизия. В частности, п. 8 ст. 2 предусматривает гестационную теорию возникновения родительских прав, а п. 5 ст. 15 – теорию намерения. Отсюда вытекает правовая неопределенность, поскольку до конца не ясно, какой вид суррогатного материнства разрешен, и кто признается родителями рожденного таким методом ребенка [14].

В странах, где матерью ребенка признается суррогатная мать, генетическое родство занимает главенствующую роль (гестационная теория), подтверждая важность традиционного представления о связи ребенка и родившей его матерью. Так, например, на данной теории основываются положения ст. 207 Семейного кодекса Республики Узбекистан, в соответствии с которыми возникновение родительских прав у генетических родителей зависит от согласия суррогатной матери [6]. Подобная норма закреплена в ст. 51 Семейного кодекса Российской Федерации. Из этого следует, что только от воли суррогатной матери зависит возникновение родительских отношений между рожденным ею ребенком и генетическими родителями. В случае отказа в передаче ребенка лицам, заключившим договор суррогатного материнства, матерью ребенка признается суррогатная мать, а генетическим родителям практически невозможно оспорить ее родительские права. Это на практике порождает спорные ситуации. Полагаем, что более рациональным при таком походе к установлению происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, является придание праву суррогатной матери быть записанной в качестве матери ребенка производного характера, которое должно быть обусловлено только отказом от ребенка генетических родителей.

Такая презумпция материнства суррогатной матери подверглась в доктрине справедливой критике. В частности, по мнению Ю.Н. Корбута, подобный подход «не отвечает интересам всех заинтересованных участников правоотношения, и прежде всего лиц, ожидающих ребенка» [5, с. 62-63]. Вместе с тем высказывается и иная точка зрения. Так, Н. С. Анцух подчеркивает позитивные стороны презумпции материнства суррогатной матери, поскольку «между суррогатной матерью и вынашиваемым ей ребенком возникает особая биологическая и эмоциональная связь, которая появляется только после рождения ребенка» [15, с. 156]. Однако, на наш взгляд, автоматическое установление родительских прав в отношении суррогатной матери по отношению к рожденному ребенку и наделение ее правом оставить рожденного ребенка изначально провоцирует нестабильность ситуации, так как ставит в зависимость исключительно от ее воли возникновение родительских прав у генетических родителей, которые именно с этой целью вступают с ней в договорные отношения. Кроме того, ситуация может еще больше осложниться, если не только она, но и генетические родители не изъявят желания оставить ребенка у себя, а значит будут ущемлены и его права.

В других странах, напротив, приоритет отдается правам генетических родителей (теория намерения). Из буквального толкования п. 2 ст. 123 Семейного кодекса Украины вытекает, что родительские права по отношению к ребенку, рожденному с применением современных репродуктивных технологий, принадлежат исключительно паре, которая предоставила свои половые клетки [7].

Тем не менее в ч. 2 п. 3 ст. 55 Семейного кодекса Кыргызской Республики предусматривается, что родительские права у супругов, давших согласие на заключение договора суррогатного материнства, возникают только после совершения записи родителей в книге записей рождений [13]. При этом после совершения данной записи супруги, давшие согласие на имплантацию эмбриона другой женщине, а также суррогатная мать не вправе при оспаривании отцовства ссылаться на данные обстоятельства. Из этого следует, что до момента совершения записи о родителях возможность оспорить материнство или отцовство супругами либо суррогатной матерью по основанию отсутствия генетической связи с ребенком *de jure* не исключается. Полагаем, что такой подход не совсем отвечает интересам самого ребенка, а также суррогатной матери, с которой был заключен соответствующий договор. При этом выявленная коллизия вытекает из закрепленной теории родства, на основании которой строится институт установления происхождения ребенка от родителей. В связи с этим подход стран, в которых действует презумпция отцовства и материнства генетических родителей при применении суррогатного материнства, создает необходимые правовые гарантии указанных лиц.

Таким образом, в законодательстве стран на постсоветском пространстве сформировались разные подходы к правовому регулированию оспаривания материнства и отцовства в отношении детей, рожденных с применением методов ВРТ. В Республике Беларусь связанные с этим вопросы, в части применения такого метода ВРТ как суррогатного материнства, урегулированы более детально и на более прогрессивном уровне. В отдельных странах по-прежнему предпочтение отдается традиционному представлению об институте семьи, что обуславливает сохранение в семейном законодательстве ограничения права на оспаривание записи о родителях при применении соответствующих методов ВРТ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Семейный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] : 28 дек. 1999 г., № 781-IQ : в ред. Закона Азербайджанской Республики от 03.12.2019 г. // Параграф «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420386. – Дата доступа: 28.09.2020.
3. Семейный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : 26 окт. 2000 г., № 1316-XIV : в ред. Закона Республики Молдова от 09.07.2020 г. // Параграф «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30398164#pos=6;-108. – Дата доступа: 28.09.2020.
4. Кодекс Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье [Электронный ресурс] : 26 дек. 2011 г., № 518-IV : в ред. Закона Респ. Казахстан от 01.04.2019 г. // Параграф «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420386#pos=195;-52. – Дата доступа: 28.09.2020.
5. Корбут, Ю.Н. Установление происхождения детей в результате применения репродуктивных технологий / Ю.Н. Корбут // Актуальные проблемы науки XXI века. – 2012. - №1(1). – С. 59–63.
6. Семейный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс] : 30 апр.1998 г., № 607-I : в ред. Закона Республики Узбекистан от 10.03.2020 г. // Параграф «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30421452#pos=5;-108. – Дата доступа: 28.09.2020.
7. Семейный кодекс Украины [Электронный ресурс] : 10 января 2002 г., №2947-III : принят Верховной Радой Украины от 5 апреля 2001 г. : в ред. Закона Украины от 28.08.2018 г. // Верховная Рада Украины. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2947-14#Text>. – Дата доступа: 28.09.2020.
8. Семейный Кодекс Туркменистана [Электронный ресурс] : 10 января 2012 г., №258-IV : в ред. Закона Туркменистана от 09.06.2018 г. // Параграф «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31343599. – Дата доступа: 28.09.2020.

9. The Civil Law of the Republic of Latvia [Electronic resource] : 28 January 1937 : in edition of the Law of the Republic of Latvia from 05.12.2019 // Licumi – Legal Acts of the Republic of Latvia. – Mode of access: <https://likumi.lv/ta/en/en/id/225418-the-civil-law/>. – Data of access : 28.09.2020.
10. Закон о семье Эстонской Республики [Электронный ресурс] : 18 нояб.2009 г., № RT I 2009 : в ред. Закона Эстонской Республики от 20.04.2017 // Jurist Aitab. – Режим доступа: https://www.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/gu-seadused/%D0%97%D0%90%D0%9A%D0%9E%D0%9D%20%D0%9E%20%D0%A1%D0%95%D0%9C%D0%AC%D0%95_01.03.2018.pdf. – Дата доступа: 28.09.2020.
11. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 24 июля 2002 г., № 95-ФЗ : принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г. : одобр. Советом Федерации 8 дек. 1995 г. : в ред. Федер. закона от 06.02.2020 г. // Консультант-Плюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.
12. Евсеева, Л.А. Проблемы оспаривания отцовства (материнства) при применении искусственных методов репродукции человека [Электронный ресурс] / Л.А. Евсеева // eLABRARY.RU. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24919334>. – Дата доступа: 20.04.2020.
13. Семейный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : 30 авг. 2003 г., №201 : в ред. Закона Кыргызской Республики от 17.08.2020 г. // Информационная система «Континент». – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30286698#pos=6;-239. – Дата доступа: 28.09.2020.
14. О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека : Закон Респ. Армения, 11 декабря 2002 г., №3Р-474 : в ред. Закона Респ. Армения от 07.02.2020 г. // Parliamt.am - Legislation: National Assembly of RA. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1339&la&lang=rus>. – Дата доступа: 28.09.2020.
15. Анцух, Н.С. Трансграничные проблемы правового регулирования суррогатного материнства : монография / Н.С. Анцух. – Минск : Четыре четверти, 2015. – 156 с.